

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	49
Глава 5	63
Глава 6	77
Глава 7	90
Глава 8	104
Глава 9	118
Глава 10	132
Глава 11	145
Глава 12	158
Глава 13	172
Глава 14	185
Глава 15	198
Глава 16	211
Глава 17	227
Глава 18	243
Глава 19	257
Глава 20	271
Глава 21	284
Глава 22	301
Глава 23	315
Глава 24	332

Глава 1

— Осади! Куды прешь?!

— Сдайте назад, ироды!

— Ох, мамочки, мне больно, больно, помираю!

Я стоял совсем рядом с толпой, настолько плотной, что было невозможно даже пошевелиться. Ходынка! Страшное поле на окраине Москвы. И я посередине этого поля.

Воздух был спёртым, и дышать становилось всё труднее. Я чувствовал, как люди вокруг меня начинают паниковать, и их страх передавался всем, словно вирус гриппа в забитом вагоне метро. Вдруг услышал крик: «Бегите!» Это был сигнал к началу давки. Толпа двинулась вперёд, меня подхватила волна тел. Я пытался удержаться на ногах, но море москвичей продолжало нести меня с собой. Только бы не упасть! Сразу затопчут.

Как я оказался в толпе? Очень просто — приехал в свите великого князя Сергея Александровича на коронацию. И на всякий случай решил проверить поле на Ходынке, ругательную запи-

ску по которому подавал обер-полицмейстеру Власовскому полгода назад. Подал и забыл. Закрутился с поездкой на Кавказ, потом с немецкими делами. А затем и Лиза со своими «схватками» преподнесла сюрприз. Чуть не случился выкидыш — пришлось срочно организовать сохранение. В медицине и термина такого еще нет, но деваться некуда — прописал постельный режим, уколы магна, диету с большим содержанием молочных продуктов. Насчет двух последних предписаний в современной медицине имелись сомнения. Да и постельный режим тоже, говорят, помогает так себе. Но и ничего не делать, просто наблюдать мучения княгини, я не мог.

Плод удалось спасти, акушер Петерман мигом получил отставку. Ибо делал примерно ничего — только глазами хлопал. Ну вот не умеют в девятнадцатом веке работать медики с угрозой выкидыша.

Решение Сергея Александровича сразу аукнулось вот какой заботой — меня настойчиво попросили ближайшие месяцы побыть при Лизе. Неотлучно. Я попытался рыпнуться — у меня же рентгеновские кабинеты, «Русский медик», «скорая», клиники Романовского — доктор запланировал открыть еще три. В Киеве, Москве и Варшаве.

Но нет, великий князь включил режим кнута и пряника. В качестве первого мне напомнили о монополии на лечение сифилиса. Которая заканчивается в девяносто шестом. Обещал до-

говориться с министром МВД Горемыкиным о продлении еще на год.

К пряникам относился чек на двадцать тысяч рублей. Который я тут же переслал Романовскому. Пора было выходить в Европу. Тайну серы долго не удержишь — нужно было снять сливки и в Старом Свете. Так что быстро обучить персонал за неделю, секретное лекарство доставлять фельдъегерем, снять помещение — и полетели.

В итоге провел с княжеской четой все шесть месяцев, вплоть до родов. Да, чуть раньше срока, но не критично. Они прошли быстро, даже можно сказать стремительно. К счастью, самодурства великого князя не хватило на то, чтобы и повитуху не пускать. Уж я бы сам напринимал роды... Два часа схваток, потуги — и вот я первый беру своего сына на руки. Неплохая награда за все переживания, не так ли? Вес у первенца оказался небольшим — три сто. Но во всем остальном — пульс, дыхание, мышечный тонус, рефлексy — все было на высоте. Вспомнил даже шкалу Апгар. Смело можно дать восемь баллов при оценке состояния новорожденного. Рождение сына — разве не повод еще больше продвинуть акушерское дело? Впрочем, про отцовство лучше забыть, и побыстрее.

Назвать наследника решили в честь Александра III, и тут все было понятно — великий князь намекал двору на то, что опалу с московским генерал-губернаторством пора заканчивать. И кто-то в Царском Селе — не будем тыкать пальцем кто — понял все правильно. Сергей Александро-

вич получил от Николая телеграмму с поздравлениями, пожеланиями максимально быстро вернуться к исполнению обязанностей в Москве. Тем более что уже через месяц, четырнадцатого мая должна состояться коронация Николая, и без княжеской четы было не обойтись.

— Ой, батюшки! Смерть пришла!

— Катя, Катя, где ты?! Православные, спасите мою доченьку...

Я увидел, как рядом уже почти затаптывают девочку лет десяти, бледную, в синем платочке. Вот-вот упадет под ноги. Начал активно работать локтями, протолкнулся вперед.

— Дорогу, дайте дорогу!

Мой громкий крик подействовал, удалось добраться до девочки, присесть и схватить ее за косу. Резким рывком выдернул вверх, прижал к себе. Дышит! Глаза закрыты, лицо бледное, на щеке краснота — кто-то уже приложился.

Вот она, цена ребенка великокняжеской четы! Будь Сергей Александрович в Москве, я бы через него мозг выел Власовскому про Ходынку. Костями бы лег, но не допустил. А я судуру поверил на слово городскому голове Рукавишникову, который при встрече накануне заверил меня, что поручения даны, все ямы засыпаны, поле ровное как стол.

— Передайте мамаше, что жива ее дочка, — я повернулся к крепкому деду, что стоял справа

от меня, кивнул в ту сторону, куда «унесло» толпой мамку. Эстафета запустилась, а я увидел, что девочка открыла глаза.

— Зовут тебя как?

Молчание.

— Ты меня слышишь?

Кивок.

— Катя.

Отлично, уже прогресс.

— Эй! Не закрывай глаза, — надо было тормозить девочку. — А ты знаешь, что означает твое имя?

— Не-ет...

Толпа опять сдвинулась, нас понесло в сторону ларьков, где раздавали подарки в честь коронации. Ну все, пипец котенку.

— Так что значит мое имя? — Катя заморгала, вцепилась мне в пиджак.

— С греческого языка означает «чистая».

Тут я сообразил, что Агнесс тоже с греческого «непорочная». Вот какое странное совпадение.

С фройляйн Гамачек у нас начался натуральный «роман в переписке». Нынче очень модный в европах. Письмами обменивались почти каждую неделю, иногда чаще. Я честно изложил ситуацию с князьями — разумеется, без ненужных подробностей про то, чьего сына я собираюсь принять из лона Лизы. Агнесс в ответ меня ободряла, поддерживала. И даже — я так понял, ради того, чтобы сделать мне приятное — занялась открытием первого в Германии рентгеновского кабинета. Вернее, способствовать этому —

там папа финансировал и организовывал. Благо на свидании я ей разболтал всю технологию. Чем, кстати, и вошла в историю — кабинет был открыт в больнице Святой Терезы раньше, чем катодная трубка добралась до Моровского в Москву. Увы, приоритет остался за немцами. Зато в России — у «Русского медика». Вацлав примчался в Вольфсгартен по моему зову и столь же быстро поехал назад — удивлять всех новыми возможностями.

Выдержать полугодовую разлуку было трудно. Приглашать Агнесс к князьям я не решился — дамы и не беременные способны выдать что-то весьма неожиданное, а женские склоки мне были совсем не нужны. Самому же отлучиться в сторону Вюрцбурга мне банально не разрешили. Все мои вылазки на свободу ограничивались окрестностями, даже во Франкфурт ни разу не съездил. Вот такая судьба придворного врача.

— Держись крепче! — Я обнял Катерину, приготавливаясь к встрече с ларьком, с которого должны были раздавать царские подарки. Там стоял крик и был ад кромешный.

Но нет, судьба была к нам благосклонна. Толпа качнулась в другую сторону, нас понесло к Петербургскому шоссе. Только не ко рву! Пожалуйста, только не туда...

К моему удивлению, никаких рвов по дороге не случилось. Закопали? Все, что нам было нужно, это просто не упасть и держаться на ногах. Катя быстро потеряла силы, мне пришлось буквально тащить ее.

— Ты сама откуда будешь? — поинтересовался я.

— Тамбовские мы.

— Так далеко пришли?

— Царь-батюшка на царствие венчается! — серьезно ответила Катерина. — Тата сказал, что такое раз в жизни бывает.

— Я тоже тамбовский. Из Знаменки.

— Как же... слыхала. У вас там лесопильня барская.

— Я и есть тот самый барин.

Который полностью забыл про свое поместье — даже не удосужился поменять вороватых старосту и управляющего. Последние полгода эти жуки и вовсе перестали присылать деньги. Пропал барин в европах — и отлично. Нам самим нужнее.

— Не бросай меня, барин, — заплакала девочка. — Я тебе отслужу!

— Не брошу. Только сама держись тоже...

Толпа опять встала на месте, рядом начал оседать тот самый старик-эстафетчик, которого я посчитал крепким. Беда!

— Держись, отче! — Одной рукой я попытался приподнять соседа, не давая ему упасть под ноги. Тогда все, конец.

Чем дальше нас несло, тем свободнее становилось. Толпа редела, скоро я увидел, как на встречу мне движется громадная фигура Жига-

на. Хитрованец шел, словно ледокол, взламывая скопище людей, раздвигая тела руками.

— Евгений Александрович, слава богу!

Наконец, Жиган добрался до нас, и я увидел, что шикарный костюм-тройка порван аж в трех местах. Жилетка тоже была излохмачена так, как будто ее пропустили через садовый измельчитель.

— Хватай! — Я подвинул хитрованцу Катерину, тот легко забросил ее на плечо, развернулся, начал раздвигать народ в обратную сторону. Все, что мне оставалось — это встать в кильватер здоровяка и не отставать.

Наконец, мы выбрались на Петербургское шоссе, на обочине которого уже лежали пострадавшие. Вокруг них клубились родственники, стоял такой вой и крик, что уши закладывало. Тут было совсем свободно, толпа почти рассеялась.

Найдя свободный пяточок, Жиган сгрузил на него Катерину, повернулся ко мне:

— Евгений Александрович, как же вы умудрились-то?!

— По глупости. Большой, огромной глупости, — признался я, падая на колени рядом с девочкой.

Отдышаться, проверить ребра. Вроде нигде ничего не болит, не хрустит...

— Беги к тем домам, — я махнул рукой в сторону каменных строений справа от шоссе. — Ищи телефон. Вызывай «скорые» со всех подстанций.

— А как же вы?

— Тут уже безопасно, беги!

Жиган умчался, я же похлопал Катерину по щекам, ощупал тело. Вроде переломов нет, руки-ноги целы, вон розовеет опять.

Появились солдаты из оцепления, началась суeta вокруг тел. Какое счастье, что власти всё же велели засыпать ров, оставшийся открытым после разборки павильонов. Зачем их повезли на ярмарку в Нижний, никто толком не знал. Да и какая разница. Кто-то что-то украл, наверное. Оказалось, правда, что полностью ту самую ловушку не засыпали, слишком поздно начали, но на оставшуюся часть поставили рогаток, которые толпа мигом снесла. Там-то, видимо, основные пострадавшие и будут.

Я поднялся на ноги, попытался сосчитать количество тел на обочине. Не так уж и много. Где-то с десятков. Сколько из них насмерть затоптали, сколько живых, на первый взгляд понять было трудно. Обошел ближайших, потрогал пульс на шее. Двое мертвы, еще троих, судя по всему, можно было спасти. Еще четверо — с переломами ребер, конечностей. Основная масса пострадавших — там, в толпе. И достать их оттуда можно будет, только когда всё закончится. Но скорбный счет начат.

— Дядя, дядя! — Меня за руку взяла подошедшая Катерина. Смотри-ка, как быстро ожила! Покачивается, но стоит на ногах.

— Цела?

— Все тело болит... Будто палкой били. А звать вас как?